

Чаша терпения / повесть

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 21 января, 2025

Чаша терпения / повесть Довран Агалыев родился в 1961 году в селе Астанабаба Керкинского этрапа. В 1984 по окончании учебы в ТГУ им. Магтымгулы на факультете туркменской филологии начал работать в газете «Яш коммунист». Был ответственным секретарем этой газеты.

Довран пишет в жанре прозы, драматургии. Произведения молодого автора публиковались в журнале «Совет эдебияты» (ныне журнал «Гарагум»), газетах «Эдебият ве сунгат», «Яш коммунист», «Халк сеси», «Новча».

© Агалыев Д., 1998 г.

► ЧАША ТЕРПЕНИЯ

(Повесть)

«Подлость унижает доброго молодца»

Из эпоса «Героглы».

– Подсудимая, вам предоставляется последнее слово!

Со скамьи подсудимых нехотя встала молодая женщина. Некоторое время она стояла молча, не в силах вымолвить ни слова, словно что-то застряло в горле. Сделав глотательные движения, она опустила голову. Ей хотелось сказать: «Дайте мне хотя бы разочек взглянуть на моих детишек, прижать их к груди, расцеловать». Но побоялась, что ее мольбы об этом в течение трех дней, пока шел суд, вновь останутся безответными.

– Подсудимая, вы ничего не хотите сказать?

Она вздрогнула как человек, которого разбудили, окатив холодной водой.

– Хочу. Пожалейте моих троих детей! Чтобы они не бедствовали. Помогите хотя бы в детский дом их поместить...

Женщина не смогла удержать нахлынувших слез. Они, словно бусинки из разорванной нитки, покатались по ее щекам,

завявшим, как осенний лист от невыносимых страданий, свалившихся на нее в последние дни.

– Подсудимая, больше у вас никаких просьб нет? Хотите еще что-нибудь сказать?

Женщина отерла слезы мозолистыми огрубевшими ладонями:

– Лишь бы мои дети не скитались по людям, оставшись без матери и отца. Других просьб у меня нет.

И лишь после этого человек, восседавший в грозном кресле судьи, снял очки и встал:

– Если вы больше ничего не хотите сказать, суд уходит на совещание, – и начал собирать лежащие перед ним бумаги...

* * *

Древний тутовник. Так сельские жители называют громадное дерево, раскинувшее свою крону рядом с хлопковым полем на северной окраине села. Интересно, сколько лет этому тутовнику, который три человека не могут обхватить? Вот этого никто в селе не знает. И даже Касым-ага, о котором люди говорят, что он живет со дня сотворения человечества, рассуждал: «Бог знает, сколько ему лет. Мы еще пацанами лакомились его ягодами». Но то, что древний тутовник немало настрадался за свою жизнь, в этом селе знают все – от семи до семидесятилетнего.

Вообще, бородатые седовласые старцы любят собираться на солнышке и вспоминать свою молодость. Но о чем бы они не говорили, в конце концов их разговоры обязательно сводятся к древнему тутовнику. Изборозжденные морщинами деда, качая головами, начинают вспоминать, сколько же этому могучему дереву пришлось перенести!

Бакы-ага, разменявший восьмой десяток лет, как только речь заходит о древнем тутовнике, невольно подносит руку к шраму над левой бровью. А потом, обязательно вспоминает свое последнее свидание с дочерью Берды-шиха. Перед глазами живо появляется картина того, как он в сумерках встретился под этим деревом с Сельби, как сладко они мечтали, и как вдруг, словно из-под земли вырос старший сын Берды-шиха вместе с двумя

своими «нукерами», как он накинулся на него. Баки-ага всегда тяжело вспоминал конец этого события. Но и не вспоминать он не может, как бы там ни было. Ему на всю жизнь запомнилось, как он попал в переплет под тремя свистящими над его головой плетями, и каждый удар плетью отзывался на его теле как удар острым ножом, как хлестала его алая кровь. А потом ..., а потом он вспоминал, как среди ночи пришел в себя, накрепко привязанный к дереву. В ту ночь, возможно, жалея Баки, небо тоже лило слезы, казалось, что оно продырявилось. Если бы не было густой кроны тутовника, Баки запросто мог бы замерзнуть.

Естественно, что Баки-ага относится к этому тутовнику как к своему спасителю. И не только это, старый тутовник делил со многими их радости и слезы, шелестя листвой, укрывал влюбленных. И поэтому в селе все, от старца до млада, как зеницу ока берегут дерево, корни которого уходят в прошлый век. Для них это не просто дерево, это священный символ.

Но в последнее время тутовник, всеобщий любимец, стал чем-то раздражать бригадира Мухи. Он винил дерево во всех смертных грехах, в частности, в том, что последние подряд два года бригада не выполняет план по хлопкозаготовкам. При любом удобном случае он непременно вставляет: «Эх, надоело мне это дерево, надо избавиться от него, столько места занимает, слушай, не дает хлопчатник сеять».

Старцы села, прослышав о его намерениях, потеряли покой. «Подумайте только, что задумал Мухи-бригат, как будто ему других деревьев мало, он именно это решил известить!» — возмущались они. Чувствуя, что бригадир не шутит, они собрались и группой в несколько человек отправились к нему на переговоры. Аксакал, известный в народе под именем Гурбан-гони (гони — прямой), не стал ходить вокруг да около, а сразу же выложил все:

— Сынок, другие бригады, что были до тебя, постоянно выполняли план по сбору хлопка. И тебе тоже не стоит молотить воду в ступе и все валить на этот тутовник, лучше бы делом занялся!

Да разве современная молодежь станет такие слова терпеть! А тем более вспыльчивый Мухи, который считает себя в этом селе

чуть ли не пупом земли. Тихонько похлестывая себя прутиком по «активным сапогам», которые начал носить на следующий же день, как стал бригадиром, он надвинул шляпу на лоб и пристально посмотрел в глаза Гурбана-гони:

– Слушай, яшули, говорят, ум не в возрасте, а в голове. Наверно, это не совсем глупые люди сказали. Прошу тебя по-хорошему, не учи меня жить, моему уму и без того тесно в этой черной голове. И потом, знай, твердые корочки престижного столичного техникума не каждому дают. Чтобы получить их, надо, чтобы в черепной коробке хоть что-то шевелилось, понятно тебе или нет?..

Старики, пришедшие в надежде уговорить юнца, стояли, как оплеванные. Они переводили взгляд с бригадира, у которого на губах молоко не обсохло, на Гурбана-гони и обратно. Бакы-ага, опираясь на свой посох, сунул конец бороды в рот и покачал головой. Гурбан-гони не смог спокойно отнестись к тому, что так нагло ведет себя юноша, годящийся им во внуки.

– Сынок, мы не только тебя, мы твоего отца учили уму-разуму. И тебе не стоит упрямиться, лучше прислушайся к словам людей намного старше тебя. И потом, если бы тебе только тутовник мешал выполнить план, ты бы в прошлом году вдвое его перевыполнил бы. Вы же прямо перед самым севом столько прекрасных фруктовых деревьев извели.

Поняв, что никакими словами невозможно достучаться до бригадира Мухи, Бакы-ага выплюнул изо рта не до конца высосанный нас и потянул Гурбана-гони за полу халата. Тихонько кашлянув, сказал:

– Послушай, ровесник, не стоит, наверно, набрасываться на молодого человека. Может, Мухи хан хочет сделать как лучше для людей. – Он подмигнул Гурбану-гони, давая понять, что нынешнюю молодежь криком не одолеешь, надо быть похитрее. – Мухи хан парень молодой, неопытный, и, если мы объясним ему, может, он и послушает нас. И не станет портить нам настроение из-за одного дерева. Верно ведь, Мухи-бригат?

– Эх, Бакы-ага, и вы туда же! Слушай, поймите же, что толку от этого дерева? Зато сколько всего можно изготовить из хлопка, который мы вырастим на этом месте! Взять хотя бы ваши рубахи,

они ведь тоже из хлопка сделаны. Жаль, но у вс грамотешки не хватает!

– Какой же ты, сынок, однако упрямый! Уперся, как бык, и стоишь на своем. Если с пяди земли можно кучу всего произвести, так и быть, мы н своих учстках выраастим тебе этот хлопок.

Бригдир Мухи лениво встал с мест, потянулся, отряхнул пыль со штнов.

– Слушай, не стоит вам так беспокоиться, и нас прошу не беспокоить. И без того забот накануне сева хватает.

Давая понять, что разговор окончен, он заложил руки за спину, взобрался на соседний пригорок и оттуда стал наблюдать за работой колхозников, занятых расчисткой арыков.

У Гурбана-гони, возмущенного бестактностью бригадира, от злости начала трястись борода, а на скуластом лице и шее вздулись вены. Он повернулся к Бакы-ага, который постукивал о свою палку дном наскяди – табакерки для наса.

– Эх, ровесник, ровесник, для этого бригадира собственные интересы превыше всего. На такого не подействуют твои добрые слова, которые даже змею могут вызволить из норы. Сам видел, он плевать хотел на наши увещевания!

Бакы-ага спросил удрученно:

– И что же мы теперь будем делать, Гони?

– Думаю, что расстраиваться рано. Говорят, крупнее верблюда есть слон. Не будем терять времени, пойдем в контору. Мерген башлык человек постарше, думаю, он нас поймет.

Старики, обиженные бригадиром, немедленно пустились в путь.

Глядя вслед им, Мухи подумал: «делать им больше нечего, совсем выжили старики из ума», помахал шляпой и позвал к себе помощника, нааблюдавшего за работой девушек. Худощавый парнишка невысокого роста сразу же явился на его зов.

– Слушай, Реджеп, я сейчас пойду в гараж и направлю сюда гусеничный трактор. Ты побудь тут и проследи за тем, чтобы этот бесполезный тутовник выкорчевали вместе с корнями. Я постараюсь вернуться побыстрее.

Юноша, который и прежде не раз слышал, как бригадир грозился уничтожить дерево, понимал, что он говорит это ради красного

словца, но сейчас не поверил ушам своим. Слова бригадира прозвучали как гром среди ясного дня. Он переспросил дрожащим голосом:

– Что, этот древний тутовник?

– Что это ты вдруг так переменялся в лице? Случаем, не твой дед его посадил?

– Да нет, просто жители всего села...

– Хватит, кончай повторять слова этих безмозглых стариков! – Он вдруг ни с того ни с сего начал распаляться. – Слушай, мне не люди, мне хлопок нужен, понимаешь ты, хлопок! Если мы и в этом году не выполним план, знаешь. что будет? Тебя тоже не погладят по головке...

Выговорившись вволю, он вдруг махнул рукой: «Ай, этим людям все равно ничего не объяснишь!» и направился к машине. Пройдя несколько шагов, обернулся:

Слушай, как только прибудет трактор, не задерживай его! Пусть он выкорчует дерево и оттащит его волоком к полевому стану.

Глядя вслед машине, скрывшейся в клубах пыли, Реджеп думал: «Мерзавец Мухи решил во что бы то ни стало избавиться от тутовника, кончится ли все это добром?» Работать ему уже расхотелось, настроение было испорчено окончательно, и он поплелся к тутовнику.

Было начало марта, дерево тихонько раскачивало на ветру свои еще голые ветви, и ему показалось, что оно встретило его очень холодно. Как будто говорило: «Я ведь был для тебя единственным доверенным лицом. Со мной ты делился своими секретами, которые не мог доверить никому другому. И я ни разу не предал тебя. Я хранил ваши с Биби тайны, и вас укрывал от посторонних глаз. Но ты сегодня не смог противостоять одному грубияну, предал меня. Такова цена дружбы?»

Реджеп со смешанным чувством жалости, сожаления разглядывал раскидистое дерево. Потом стал озиаться по сторонам, словно что-то потерял. Похоже, он нашел то, что искал, вдруг резко опустился вниз. Он уставился на след обуви, отчетливо проступивший на земле. «Это следы моей Биби; два дня прошло, а они не стерлись. Ах, теперь я сам должен уничтожить их!» Он осторожно поднес руку к следу, а потом трижды ко лбу

(религиозный обряд). «Я готов всю жизнь целовать следы твоих ног, Биби!» – подумал он и тяжело вздохнул. «Уфф!»

* * *

Реджеп был самым младшим из трех братьев, но жизнь его не баловала. Он слишком рано испытал на себе все ужасы и удары судьбы. Младенцу не было еще и года, когда в рот ему сунули вместо материнской груди соску с коровьим молоком. Вначале губы его начали вздрагивать, а потом он разревелся. Дитя сразу же ощутило подмену – вкус молока был другим, совсем не материнским. Ну и пусть, что почувствовал, как сказала его гелнедже ?жена старшего брата% Гыммат, «куда он денется, не сегодня, так завтра, как миленькиц привыкнет». И вообще, если бы только один Реджеп оказался в таком положении. Как говорят некоторые сплетницы, разве мало на свете женщин, которые бесятся с жиру и заболевают, а потом бросают своих крох и уходят в мир иной, туда, где поспокойнее? Подумаешь, и этот ребенок такой же матери. Соседи и знакомые погорюют день, ну от сил два, а потом все забудут, у каждого своя жизнь. А все мучения придется испытывать одной Гыммат. А что она может сделать, куда ей деться?! Конечно, она бы рада не нарушать свой сон из-за ребенка своей несчастной свекрови, но побаивается людской молвы. Может, и молва бы со временем утихла, можно было бы отвести и сдать ребенка в приют, но она боится, что может случиться что-нибудь похуже. Гыммат ведь не первый день знает этих баб, с них станется, они могут завтра попросту отвернуться от нее, за то, что одного сироту не смогла поднять. И потом, она где-то побаивается и свекра, совсем согнувшегося от несчастья, обрушившегося на него. И хотя он человек тихий, кто знает, как он поведет себя в экстремальной ситуации. Вдруг возьмет да и скажет: «Если моему ребенку нет места в этом доме, то и вам здесь нечего делать. А ну, убирайтесь отсюда!»

И хотя в день смерти свекрови она, как могла, изображала убитую горем невестку, рыдала и волосы на себе рвала, в душе радовалась, что отныне становится хозяйкой большого дома с

приличным приусадебным участком. Собственно, это была ее недостижимая мечта с того самого дня, как она переступила порог этого дома. Но пока что она упрятала свою радость подальше от людских глаз. Да и как можно высказать ее, пока не прошли сороковины свекрови? О ней знает только мать Гыммат. Об этом она сама ей сказала на днях, когда справляли поминки седьмого дня свекрови. После того, как люди разошлись и они на короткое время остались вдвоем, мать, быстро спрятав возникшую на ее устах улыбку, обрела серьезный вид и стала наставлять дочь: «Теперь ты в этом доме себе и хан и султан. Если допустишь легкомыслие, можешь лишиться своего богатства. Старайся быть подобнее. А этот сиротка не всегда же будет младенцем, не успеешь оглянуться – вырастет, встанет на ноги. А как вырастет, так тебе подмогой будет». И еще одну вещь она сказала: «Да и свекор твой ненавечно пришел в этот мир. Хоть он и не старик, но при такой тоске он долго не выдержит, последует вслед за женой. Вот тогда-то ты и станешь полноправной хозяйкой».

Каждый раз, когда ей становилось немоготу от забот о Реджепе, она вспоминала эти слова матери. В такие минуты она чувствовала прилив сил и даже начинала улыбаться, если находилась одна в доме. Когда же задумывалась о второй стороне вопроса, от улыбки ее не оставалось и следа, она улетучивалась, как испугнутая стайга воробьев. «Вторая сторона вопроса» – это два ее деверя, которых еще надо будет поставить на ноги и женить. Неожиданно накатывалась злость, и она начинала лупить безвинного Реджепа, словно хотела на нем выместить ее всю. Ребенок начинал рыдать, Гыммат знала, что сам он ни за что не успокоится, и совала ему в рот соску со словами проклятий: «Чтоб ты пропал, ты появился на свет, чтобы доконать меня! Ах, и девчонкой ведь не родился на мое счастье!»

В доме наступал конец света. От Гыммат не было спасения никому – ни свекру, приходившему домой поздно вечером, с наступлением темноты, ни деверю Рахману, который после занятий в школе ходил на работу. Когда все собирались за ужином, она с грохотом ставила перед ним миски, расплескивая

половину супа. Ложки будто с неба сыпались, летели со звоном. Видя, что жена бесится, ее муж Меред тоже ничего не говорил, потому что молчал отец, который вообще не любил за едой повышать голос; только смотрел на жену сверкающим от недовольства взглядом.

Как ни старался сдерживаться, однажды Меред не стерпел и, войдя в спальню, он обартился к жене, расстилавшей постель:

– Гыммат, тебе не кажется, что в последнее время ты слишком агрессивной стала?

Слова мужа возмутили Гыммат, которая считала, что она одна тащит на себе весь этот дом. Со злостью стянув со шкафа одеяло, она вскипела:

– И это твое спасибо? Или я, может, теперь с ложечки должна кормить вас всех? Не дождетесь, мне одного хватает кормить. В голосе ее появились слезы. – Ты ведь ни разу не поинтересовался у меня, устала ли я, как я живу. Напротив, вы все против меня настроены, обижаетесь на меня без причины. Мне хватает вашего младенца в колыбели, вы хоть сами обходитесь как-нибудь, взрослые ведь!

– Как бы там ни было, это твой свекор и твой деверь. Могла бы и помягче быть с ними. Ты же видела, что отцу не понравилось твое поведение, хоть он и промолчал.

– Что ему не понравилось? То, что я приготовила обед и подала ему? Или им не нравится, что я обстирываю их и латаю дыры на их одежде? – Гыммат повысила голос. – Несчастливая я, вот что я тебе скажу. Иначе судьба не свела бы меня с тобой, не взвалила бы на мои плечи такую непосильную ношу. Ладно бы я видела благодарность за свою заботу. Так нет ведь. Не успеешь оглянуться, надо будет женить твоего брата. И тот в люльке не вечно будет с соской лежать. Не успеешь с долгами рассчитаться, как настанет очередь этого. И попробуй после этого лишнее платье себе купить. Ах, разве о таком счастье я для себя мечтала!

– Эй, Гыммат, нельзя же так раскисать, возьми себя в руки! Настанет день, когда и нам счастье улыбнется. Вот увидишь, скоро все пройдет...

– Конечно, пройдет, когда я состарюсь и стану сгорбленной

старухой. На что мне тогда счастье, если я не имею его сейчас, когда мне и пожить хочется, и одеться.

Визгливый голос Гыммат не давал заснуть свекру, который и без того лишился в последнее время сна. Поняв, что ему уже не заснуть, он накинул на плечи старенький халат и вышел на веранду. Постоял немного, потом осторожно подошел к комнате, в которой спали сын с невесткой. Пару раз громко кашлянул, давая понять, что он не спит, думая, что разбушевавшаяся Гыммат притихнет, успокоится. Похоже, его не услышали, потому что скандал в комнате не прекращался. Напротив, к голосам взрослых присоединился и плач Реджепа, разбуженного криками. Аман ага покачал головой и позвал сына:

– Мерет, ай Мерет, а ну, выйди на улицу.

Мерет тотчас же открыл дверь:

– Что, папа?

– Что за шум вы подняли среди ночи? Что подумают соседи, если услышат?

– Ай, папа, мы немного...

– А ну, немедленно прекратите скандалить! Бесстыжие!.. – Из-за спины мужа показалось лицо Гыммат. – Гелин, ты не обижайся на Мерета, если он вдруг чем-то задел тебя. Я завтра сам хорошенько поговорю с ним!

После этого крики Гыммат прекратились, зато в душе у Амана-ага поднялась буря. Ему захотелось уйти куда глаза глядят, туда, где не ступала нога человека. Но на конце своего участка он остановился. Как бы не хотелось ему стоять на месте, дальше этого он не мог и шагу ступить. Вдруг кто-то из соседей по нужде выйдет во двор, что подумают о нем? Не скажут ли, что Аман с ума сошел?

Он направился к скотному двору, чтобы его никто не мог увидеть. Прислонился к глинобитной стене хлева и опустил на корточки.

– Эх, жизнь, жизнь... Верно говорили наши предки: «Пусть в начале, на полпути не погибнет конь твой, а потом – жена». Только сейчас я до конца понял смысл этих слов. Аман-ага произнес эти слова шепотом. Он был похож на человека, который хочет выговориться, отдать земле всю свою боль.

Просидев всю ночь на этом месте, Аман-ага, как только закричали первые петухи, кряхтя, с трудом поднялся с места и со словами «помоги, Господь!» вернулся в свою комнату.

* * *

Обычно Аман-ага вставал раньше всех и пока готовился завтрак, успевал накормить скотину. Но сегодня дверь его комнаты долго оставалась закрытой. Это почувствовала только Гыммат, которая всегда прислушивалась к скрипу двери свекра, ждала, когда он начнет покашливать. Ничего плохого в голову ей не приходило, она только подумала: «Наверно, он вчера сильно устал на работе, поэтому и проспал сегодня». Но когда стрелки часов стали приближаться к семи, а в хлеву замычала скотина, она забеспокоилась. Она покачала безмятежно спящего мужа.

– Мерет, аю, Мерет, вставай же!

Мерет, вращая сонными глазами, сел на постели:

– А, что случилось?

– Кажется отец проспал. Скотина размычалась вся. Пойди, разбуди отца, или же сам заткни глотки этим горлопанам!

Протирая глаза, Мерет вышел из комнаты. Спустя мгновение из соседней комнаты донесся его истошный крик: «Па-а-па-а!» Гыммат мгновенно вскочила с места...

Хорошо, когда живешь на селе. Всем миром проводили в последний путь Амана-ага. Как ни тяжела была утрата, но через сорок дней начали успокаиваться и Мерет с Рахманом. Гыммат была на седьмом небе от счастья. Она уже считала себя единственной хозяйкой этого большого дома. «Мерет у меня в узде, куда захочу, туда и поверну его». Она счастливо улыбнулась. Почему-то на сей раз, даже вспомнив о своих деверях, она не стала хмуриться и рычать. Только прошептала тихо:

– Если им нужны будут жены, куда они денутся, сами найдут себе...

* * *

Караван дней двигался потихоньку вперед, когда с грузом, когда облегченный. Постепенно подрост и Реджеп, стал пригодным для

мелких услуг. Рахман закончил среднюю школу и собирает документы, чтобы попытаться счастья на юридическом факультете университета. Гелнедже Гыммат тоже одобрила его намерение. «Вот если бы ты и младшего брата забрал с собой!» – чуть было не вырвалось у нее, но она вовремя сумела сдержаться. А вдруг бы Рахман взял да и увез с собой братишку, что бы она тогда делала без него! Не-ет, Гыммат не может отпустить сейчас Реджепа, разве она мало бессонных ночей провела с ним, чтобы теперь, когда он пригоден для работы, не воспользоваться этим! Ведь именно Реджеп присматривает за ее ребенком, которого она, как говорят женщины, выродила после семилетнего бесплодия. И если она сейчас отпустит Реджепа, разве она не лишится рук? Пока брат был дома, еще куда ни шло. Но после отъезда Рахмана на учебу груз, возложенный на плечи Реджепа, стал совсем неподъемным. Теперь, чуть что, хоть травы накосить скотине, хоть воды натащить, только и слышишь: «Беги, Реджеп!» Каждый раз, когда он, свернув набок тоненькую шейку, тащит и себе неподъемный мешок с травой, Гыммат, оскалив свои пожелтевшие клыки, говорит: «Мой деверь – моя тягловая лошадка». И если кто-нибудь из соседок, сжалившись над ребенком, вставал на его защиту со словами: «Аю, Гыммат, ты же надорвешь мальчика, пожалела бы, он же расти не будет, сиротка», Гыммат всегда имела готовый ответ: «Я тоже немало потрудились, чтобы поднять его на ноги. Пусть теперь он поработает, от работы никто еще не умирал!»

И она оказалась права. Реджеп не то что не умер, он даже не болел. А если и простывал иногда, как все дети, то не было матери у него, которая пожалела бы, спросила бы: «Что у тебя болит, дитя мое?» Гыммат в таких случаях повторяла одни и те же, будто заученные слова: «Потом все болезни выйдут, трудись побольше, до седьмого пота, и от болезни не останется и следа».

Так и шла жизнь, и вот Реджеп окончил десятилетку. Проработав около года в колхозе, ушел в армию. Ему показалось, что два года армейской службы пролетели слишком быстро, и поэтому, когда настало время возвращаться домой, он не очень-то и радовался, как другие. Он вспомнил холодный взгляд гелнедже,

ее бесконечные поручения. Но он не мог вернуться домой, потому что помнил свое последнее свидание с Биби, помнил ее слова: «Я буду ждать тебя с нетерпением». Хотя в глубине души лелеял мечту после армии поехать прямо в город, к Рахману, устроиться там на одну изстроек, поработать с годик, а там попытаться поступить куда-нибудь.

Вернувшись из армии, Реджеп не стал, как многие его сверстники, прохлаждаться, отдыхать, а сразу же устроился на работу. Мухи-бригадир, не поладивший с прежним помощником, взял его к себе.

* * *

Равнодушно наблюдая за передвижениями оживших на солнышке муравьев, Реджеп не заметил подошедшей Биби.

— Эй, парень, что это ты так сидишь средь бела дня? — Биби весело рассмеялась, а потом понизила голос. — Или караулишь место, боишься, что до вечера его может занять кто-то другой из влюбленных?

Реджеп посмотрел на нее без настроения.

— Мне сейчас не до шуток, Биби. Боюсь, что нам сегодня придется поискать другое место для свидания.

По его дрогнувшему голосу Биби догадалась, что что-то случилось, и от веселья на ее лице не осталось и следа. Она сняла с плеча лопату и удивленно спросила:

— Что так, или кто-то заложил нас?

— Да нет, просто... — Реджеп не смог разу ничего сказать, ком подступил к горлу. Он печально посмотрел на древний тутовник.

— Ай, Мухи-бригадир сказал, что пришлет гусеничный трактор, чтобы выкорчевать это дерево с корнями.

— Выходит, ты тут трактор ждешь?

— Да...

Биби сокрушенно произнесла:

— Реджеп, неужели ты не смог отговорить его от такого злодейства?

— Как будто ты не знаешь вспыльчивого Мухи! Он ведь никого не слушает, только повторяет, как попугай, свое «слушай, слушай».

Редлжеп встал с места. – Иди сюда, поиди немного со мной, поговорим!

Биби испуганно отпрянула от него:

– О чем ты говоришь, парень, что девчонки скажут? Увидев приближающихся девушек, заспешила. – Я пойду, девчонки идут. Я пошла вперед, чтобы придти пораньше и заварить чай, еду приготовить, – она закинула лопату на плечо. – Не надо, чтобы они заподозрили нас, Реджеп. Мне кажется, что Аннагуль-антенна и без того о чем-то догадывается. Мне не нравится, как она подозрительно смотрит на меня.

Реджеп махнул рукой:

– Ну и пусть догадывается! Перестань говорить о ней!

– Не говори так, парень! Нет ничего хуже, чем стать объектом сплетен на селе.

– Ну да ладно, а как мы вечером встретимся?

– Вай, они уже смеяться начали. Ладно, я пошла. О вечере ты сам позаботишься...

Реджеп остался смотреть вслед Биби, которая уходила, шелестя на весеннем ветру своим ситцевым платьем, словно развевающимся знаменем.

Девушки, группой отправившиеся на полуденный чай, уже приблизились к нему. Увидев Аннагуль-антенну, Реджеп отвернулся к тутовнику, не желая попасться ей на язык. В этот момент ему вспомнилась одна история, связанная с Аннагуль, когда он учился в четвертом классе.

... На селе все, от мала до велика, были в поле. Женщины и девушки, обмотавшие вокруг талии по несколько фартуков, повязанные белыми платками, не обращая внимания на палящие лучи солнца, собирали хлопок. Нет покоя и Реджепу, который с утра тащится в школу, волоча за собой сумку. Придя домой со школы, он на ходу схватывал кусок хлеба с ломтем арбуза и мчался на дальнюю карту, где трудилась его гелнедже на хлопковом участке.

Однажды в один из таких дней Реджеп почувствовал себя плохо. Возможно, он получил тепловой удаар, потому что голова его была наголо обрит. Как ни старался он вытерпеть, у него не получалось, он буквально терял сознание и падал, в глазах у

него потемнело. Он жалобно посмотрел на гелнедже и сказал о своем состоянии.

Гыммат уперла руки в бока.

– Ну конечно, когда не хочется работать, сколько угодно причин можно найти. Ладно, ты хоть один фартук наполни, а там посмотрим.

Как ни старался Реджеп, ему не удавалось наполнить фартук. Когда же у него из носа хлынула алая струя, он перепугался до смерти. Выхватив из фартука клочок хлопка, он он поднес его к носу.

– Гелнедже, у меня кровь идет из носу!

– Так и скажи, что ты на все готов, лишь бы не работать! – заворчала Гыммат. Обернувшись, она увидела сидящего Реджепа с окровавленной ватой (хлопком) в руках. Она разозлилась еще больше. – Нет, вы только посмотрите на этого лентяя, как он сидит! Испортил даже то, что собрал. Не мог взять чуть-чуть ваты и заткнуть свои проклятые дырки? Сволочь, или ты себя Арапрейханом считаешь?

– Но ведь кровь не останавливается, гелнедже!

– Мне-то что до этого! Не бойся, вся не вытечет! – она со злостью сдернула с деверя фартук, сорвала хлопок с растущего рядом куста и протянула мальчику. – Иди, если все равно не собираешься работать, ляг в тени канаров и лежи тихо. – Потом крикнула вдогонку мальчику, который шел, пригнувшись и держась за нос: – Эй, мерзавец, не забудь свой нос заткнуть, когда ляжешь!

Реджеп прилег в тени наполненного канара, как сказала ему гелнедже. Кровотечение прекратилось через некоторое время, а слабость все равно нне проходила...

– Однако, ты знаешь себе цену...

Реджеп вздрогнул от неожиданного голоса. Подняв голову, он увидел Аннагуль, которая, сняв с каждого плеча по фартуку, собиралась опорожнить их в свой канар.

– Ай, мне не здоровится.

– А что с тобой случилось?

– У меня кровь пошла из носа.

– А может, это были сопли? – Аннагуль весело рассмеялась,

видно, смешинка попала ей в рот.

Эти слова задели Реджепа за живое.

– Эй, может, ты думаешь, что я, как ты, не смогу кровь от соплей отличить?

– Ба-ба, чего это ты раскипятился? Я ведь только пошутила!

– Зато я не шучу.

– Нет, вы посмотрите на этого парнишку, он шуток не понимает!

– после этого Аннагуль стала серьезной. – Уфф, какая жара стоит. Оттого и кровь пошла у тебя из носа, что ты перегрелся.

– Опорожнив в канар последний фартук, она лениво прошла в тень канара, где лежал Реджеп, и опустилась рядом с ним. Стала подолом платья обмахивать лицо. – В такую жару не то что работать, просто бы выжить!

Все еще надутый Реджеп слабо кивнул головой.

Не обращая на него внимания, Аннагуль посмотрела в сторону коллектора, проложенного севернее хлопкового поля.

– Реджеп, тебе ведь жарко, правда?

– Кому же сейчас не жарко?

– Пойдем тогда, искупаемся!

– Да нет, мне нездоровится.

– Я же тебе сказала, что ты перегрелся. Вот окунешься в холодную воду коллектора, и хворь как рукой снимет, сразу же почувствуешь прилив сил.

– Ай, если я стану здоровым, надо будет опять хлопок собирать. Уж лучше я полежу немного, отдохну.

– Значит, не пойдешь?

– Нет.

– Ты мальчишечка, который боится свою гелнедже.

– А вот это неправда.

– Тогда пошли, если ты и в самом деле не боишься.

Реджеп колебался недолго.

– Только я не буду купаться.

– Ладно, ты лишь бы меня покараулил...

Реджеп и прежде много раз стоял на страже, когда девчонки купались толпой. Но до сих пор ему не доводилось видеть, как они раздеваются и лезут в воду. И поэтому ему стало не по себе, когда он, сидя на берегу, увидел, как там, внизу,

раздевается Аннагуль. «Другие девчонки прямо в платьях купались. А эта... И не стыдно ей?» От этой мысли, пришедшей в голову, Реджеп и сам покраснел. Он не смог смотреть на белое, блестящее на солнце, как рыба чешуя, тело Аннагуль, опустил голову и стал что-то чертить на земле прутиком. А Аннагуль все не могла никак уговориться.

– Эй, парень! – крикнула она. Потом сняла мокрый от пота лифчик и прыгнула в воду. Через мгновение она вынырнула на поверхность воды, фыркающая и отдуваясь. – Эй, Реджеп, давай, ты тоже искупайся! Водичка такая хорошая!

Подняв голову, Реджеп увидел стоящую по пояс в воде Аннагуль, которая мыла свои маленькие, как два персика, налитые груди, и вздрогнул. Он тотчас же отвернулся в сторону. «У нее хоть ниже пояса что-нибудь есть?»

– Почему ты молчишь, парень? Я тебя зову, иди сюда, искупайся. Или же ты не можешь плавать?

– Плавать могу, но купаться мне не хочется.

– Тогда сиди на берегу, обливаясь потом... Аннагуль снова с шумом бросилась в воду.

Как ни старался Реджеп не смотреть в ее сторону, юношеское любопытство взяло верх. Он посмотрел краем глаза туда, откуда доносился плеск воды. В ту же минуту он увидел белый незагорелый зад Аннагуль, и у него закружилась голова. Он и сам не заметил, как резко вскочил с места. Аннагуль по-своему расценила поведение Реджепа:

– Что, кто-нибудь идет?

Поняв, что больше не сможет оставаться здесь в сторожах, Реджеп соврал:

– Да, КАдыр-ага идет.

– Кто идет?

– Кадыр-ага.

С этими словами, стряхнув со штанов песок, Реджеп дал деру в сторону канаров...

Реджеп пришел в себя от звонкого голоса Аннагуль-антенны:

– Эй, младший бригадир, что-то ты грустным выглядишь? Или же тебя Биби обидела? Если так, скажи, не стесняйся, я сама накажу ее.

Не успела она договорить, как девчонки залились смехом. Реджеп растерялся, ему стало неловко. Он то краснел, то бледнел. Вместе с тем ему было стыдно оставить без ответа колкие нападки девушки.

– Да кто же посмеет обидеть меня, пока ты есть! Просто сегодня у меня очень сильно болит голова.

– Ну, так надо было попросить помассировать ее – сказала Аннагуль, смеясь. – Я шучу, парень, смотри, не обижайся. А то после обеда мне опять тяжелый пай выпадет.

Девушки, не догадываясь о буре, бушующей в душе Реджепа, шумно пошли дальше.

Реджеп, уже давно ждавший тут гусеничный трактор, увидев мчащуюся в клубах пыли машину Мухи-бригадира, не знал, радоваться ему или грустить. «Может, Мухи пошутил, что пришлет трактор?» Эта мысль, вспыхнувшая в его голове, тотчас же и погасла. «Ай, скорее всего, он не нашел трактор». С такими противоречивыми мыслями он и направился к машине, остановившейся на краю карты. С неподобающей для его худой и длинной фигуры важностью обратился к вышедшему из машины бригадиру:

– Что, не получилось, Мухи?

В голосе Мухи отчетливо прозвучало недовольство:

– Слушай, когда это было, чтобы я вернулся, не сделав дела? – он задал Реджепу встречный вопрос и, не дожидаясь ответа, начал хвастаться: – Я не должен был бы так задерживаться, но, к сожалению, в гараже не оказалось ни одного гусеничного трактора. Ну и пошел напрямик к завгару, говорю ему, так, мол, и так, просьба у меня к тебе. А он просто молодчина: «Если тебе надо, мы танк найдем для тебя!» – говорит. – Сейчас же отправляйся во вторую бригаду и заberi с собой Меле». А Меле занимался планировкой земель. Он говорит: «Если Мухи-бригадир сказал, я должен буду поехать! Какой разговор! Лишь бы осенью дал машину хвороста». Знает, шельма, что просить! Ну да ладно, лишь бы дело было сделано. Мне главное, что он не отказал, не уронил моего достоинства. Так что скоро увидишь, как он будет ехать, сотрясая землю. А я приехал вперед него, ха-ха-ха...

Он вдруг начал громко смеяться, хотя не было повода даже для

улыбки. Реджеп не обращал на его смех внимания, он был занят сейчас своими мыслями, и грустил от того, что не осталось никакой надежды.

– Слушай, Реджеп, уже полдень, может, мы отправимся на обед после того, как выкорчем тутовник?

Реджеп посмотрел на Мухи, но не произнес ни слова.

Звук трактора, едущего, чтобы лишить радости всех жителей села, раздался прежде, чем он показался сам. Мухи-бригадир кинул взгляд на электронные наручные часы:

– Эх, у них скорость низкая. Знаешь, Реджеп, я в армии водил БМП. Вот у него скорость ничего. Ай, это государство, если что-то делает, обязательно делает наполовину, что-нибудь непременно упустит...

Трактор наконец подъехал и остановился. словно желая продемонстрировать силу «Алтая», Меле резко развернул его на месте и выпрыгнул из кабины. Этот его жест еще больше поднял настроение бригадиру. Он легонько похлопал по спине Реджепа:

– Видишь, каков этот конь!

Кажется, Меле не расслышал этих слов Мухи, сразу же пошел снимать прикрепленный сзади трактора трос толщиной в руку. Вскоре все было готово. Оставалось только дожидаться, когда Меле докурит сигарету, делая жадные затяжки.

Реджепу стало совсем плохо. Он поднес руку к шее, словно толстый трос обхватывал не древний тутовник, а его собственное горло.

Вдруг всеобщее внимание привлек юноша, изо всех сил гнавший в их сторону мотоцикл «Восход». Он что-то кричал и размахивал руками.

– Слушай похоже, это комсорг Кемал, что это с ним, будто кто гонится за ним! – Мухи-бригадир произнес недовольно: – Наверно, опять какое-нибудь собрание.

Тем временем «рассыльный» председателя колхоза – секретарь комитета комсомола Кемал поравнялся с ними. Не заглушив до конца мотор, он выкрикнул:

– Тутовник не трогать!

Мухи не понравился его приказной тон. И поэтому, когда он заговорил, в голосе его отчетливо чувствовалась нота злости,

недовольства:

– Слушай, комсомол, если ты всюду будешь совать свой нос, прищмишь его. Ты-то какое к этому тутовнику имеешь отношение? Или он тоже состоит на учете в твоей организации?

– Этот тутовник стоит на учете у всего села, Мухи.

– Тогда иди отсюда, пусть тебя не касаются дела всего села, займись лучше своими комсомольцами. Сказав это, Мухи сделал знак Меле, который стоял в растерянности, не зная, как поступить.

Кемал понял, что его никто не слушает, придется сказать напрямик.

– Мухи, смотри сам, мое дело передать распоряжение председателя.

При слове председатель Мухи расстерялся. Он подбежал к трактору и ухватился за рубаху Меле, уже поднимавшегося в кабину.

– Эй, Меле, постой, погоди немного! Затем приблизился к Кемалу вплотную. – Слушай, что ты сказал?

– Говорю, председатель специально направил меня сюда. К нему приходили старики...

– Э-э-х! – Мухи со злостью швырнул свою шляпу на землю, а сам опустился вниз.

* * *

Солнце окончательно укрылось за горизонтом. Реджеп, оседлав свой старенький велосипед, отправился домой. Первым его желанием было, придя домой, привести себя в порядок, переодеться и сразу же отправиться к древнему тутовнику, к месту свидания с Биби. Однако ему не удалось сразу же осуществить свои намерения. Завидев Реджепа, Гыммат начала по обыкновению ворчать:

– Этим идиотам ни до чего нет дела, хоть небо обрушится на голову. Как уйдут из дома, так и не думают возвращаться.

Реджеп, вернувшийся домой в хорошем настроении, не стал обращать внимания на многократно слышанные, а потому утратившие свою остроту слова. Напротив, он попытался успокоит

родственницу.

– Ох, гелнедже, и ворчливая же ты стала. Сказала бы, если требуется какая-то помощь. Хоть раз твой деверь отказался помочь, когда бы ты ни просила?

– Так ведь, чтобы просить о помощи, надо вначале разыскать вас. Вы со старшим братом будто соревнуетесь, один пуще другого гулены. Настолько разленились, что соринку в этом доме не поднимаете.

– Говори, какую гору надо приволочь на спине, я сделаю это немедленно!

– На что мне твоя гора? Вместо этого лучше мешок травы притащи. Мне эти мычащие коровы уже на нервы действуют!

– О чем ты говоришь, гелнедже, натаскать травы не составляет труда. Только трава еще не пригодна для косьбы.

– Тогда кинь им горсть из запасов, пусть заткнуться. И мои уши отдохнут немного.

– Можно же было сразу все вот так понятно объяснить, гелнедже!

– Направляясь к хлеву, он добавил: – Вот увидишь, как они будут молчать, как будто у них у всех ангина началась.

Гыммат не поняла шулки Реджепа:

– Эй, парень, что ты собираешься делать? Смотри, не лиши меня единственной дойной коровы с теленком, чем-нибудь заткнув ей глотку!

Реджеп обернулся и весело рассмеялся:

– Можешь быть спокойна, гелнедже, ничего, кроме травы, я в глотку им совать не стану.

Быстро управившись со всеми делами, Реджеп пошел к арыку, протекающему у края их участка. Повесив на сук пропахшую потом рубашку, он склонился над водой и вымылся до пояса. Обтерся, привел в порядок волосы. Просмотрел висящие на гвоздике три рубашки и двое брюк, словно не зная, что выбрать. Наконец, выбрал одну из стареньких и бросил ее на кровать; взял в руки брюки, которые показались ему попрличнее.

Догадавшись, что Реджеп куда-то собрался уходить, Гыммат выглянула из кухни:

– Аю, парень, ты ведь только что пришел, куда опять собираешься?

- В клуб привезли индийский фильм. Пойду посмотрю.
- Так и скажи, что идешь кучу денег истратить.
- Да нет, гелнедже, кино будут показывать бесплатно. – Реджеп решил подыграть родственнице. – Если бы за деньги, я и сам бы не пошел.
- О-о, если ты такой бережливый, может, и жену себе бесплатную найдешь!
- Еще как найдем, гелнедже, лучшую из девушек возьмем! Без копейки денег, как ты велишь.
- Да перестань, вряд ли ты сумеешь быть таким, как старший брат. Вон, Рахман поступил на учебу и девушку себе в дом привел.
- Можешь быть спокойна, гелнедже, в этом вопросе я тоже намерен проявить самостоятельность.
- Ох, не знаю...

Глядя вслед уходящему Реджепу, Гыммат задумалась: «Намерение у тебя вроде бу хорошее, сиротка. Если ты сможешь его осуществить, я буду счастлива».

Реджеп пришел к древнему тутовнику, когда начало смеркаться, и стал ждать Биби.

Прошло около получаса. Поселок, раскинувшийся неподалеку, приобрел чудный вид. Мерцают огни в домах, производя впечатление, будто звезды с неба выпалились вниз. Наблюдая за этой красотой, Реджеп ни на минуту не забывал Биби. «Пора бы ей уже быть здесь. Почему она задерживается? Может, мать ей какую-то работу поручила?» Ни на один из своих вопросов он не находил ответа. Когда ждешь, время будто замирает, совсем не движется. «Эх, в таких ситуациях хорошо тем, кто курит...» Реджеп подумал так вовсе не потому, что ему было лень ждать. Просто он вспомнил слова курильщиков, служивших с ним в армии. Хотя он понимает, что ждать девушку совсем не то, что ждать автобус. Это ожидание приятно, потому что знаешь, чем оно закончится. Приятное это ожидание, что и говорить!

Наконец-то в конце улицы показалась темная фигурка. Реджеп стал пристально вглядываться в темноту. Вскоре он узнал ее по походке. «Биби идет! Моя Биби идет!» – радостно прошептал он.

– Заждался? – каким-то встревоженным, но вместе с тем и

виноватым голосом спросила Биби.

— Ах, я готов всю жизнь ждать тебя, стоя неподвижно на одном месте, как этот древний тутовник!

— Не говори так, парень, как бы не пришлось тебе всю жизнь прождать!

При лунном свете Реджеп увидел печальное лицо девушки. Он понял, что она неспроста так сказала. Его охватила непонятная тревога:

— Что, домашние что-то заподозрили?

— Заподозрила-то Аннагуль-антенна, а домашние об этом прослышали. Ах, по тому, как она вела себя в обед, подлизываясь и угодливо улыбаясь, я должна была бы догадаться, что в вечернем выпуске новостей об этом узнает весь аул. Эта сволочь всех оповестила. Посмотри, что она говорит: «Они уже и днем не расстанутся, встречаются под этим тутовником; если бы я не видела своими глазами, не стала бы говорить!»

Неожиданное сообщение, сделанное Биби, застало Реджепа врасплох. Но он очень быстро справился с растерянностью, взял себя в руки. Глядя концы кос девушки, свисающих на груди, попросил:

— Ты скажи, а что твоя мать сказала?

— А что она могла сказать? Завела меня в комнату и отругала, на чем свет стоит, говорит, опозорила я ее. А потом...

Больше Биби не могла сказать ни слова. Ком подступил к горлу, на глаза навернулись слезы. Она поднесла к глазам ладони. Реджеп крепко обнял ее вздрагивающие плечи, прижал к себе:

— Что она потом сказала, Биби? Наверно, сказала, что ни за что не отдаст тебя сироте, хоть умри?

— Примерно так. Пусть, говорит, несут калым, какой люди дают, и забирают тебя. Если у них будет даже на рубль меньше, пусть даже не беспокоят нас.

— А ты что ответила?

— А что я могла ответить? Только сказала маме: «Откуда у них деньги?»

— Неужели она и после этого не оттаяла?

Биби опустила голову, вытерла слезы.

— Реджеп, ее тоже можно понять. Как она может оттаять, когда

на нее давит груз долга в восемь тысяч рублей? «Мы тоже женили твоего брата, влезли в долг. Пусть и они так же сделают», говорит она.

– Уфф, да где же я возьму столько денег, где? Сам я только что из армии вернулся. А у брата и его жены... Реджеп вдруг вспомнил слова Гыммат, которые она высказала ему перед тем, как он пошел на свидание. – Да нет, даже если у них и есть, они не дадут.

Некоторое время они стояли молча, опустив головы. Реджеп думал: «Есть только один выход – бежать вместе с ней. Но согласится ли она?» А Биби никак не могла собрать воедино свои скачущие мысли. Реджеп первым нарушил молчание:

– Ну и что будем делать, Биби?

Когда женщина оказывается в безвыходном положении, она чаще всего ударяется в слезы. Так поступила и Биби.

– Я совсем запуталась, не могу собраться с мыслями...

Реджепу было искренне жаль девушку, но вместе с тем он понимал, что стоит ему дать слабину, может навсегда лишиться своего счастья. Эта мысль, мгновенно мелькнувшая в его голове, заставила его осмелеть:

– Значит, все, о чем мы говорили до сих пор, о чем мечтали, теперь уже никому не нужно? Зря все это делали, да? Я ведь только из-за тебя вернулся в село после армии, Биби! Из-за тебя устроился на работу в эту бригаду. До сегодняшнего дня считал, что у меня нет человека ближе тебя. Твоя любовь заставляла меня жить, давала веру в завтрашний день. И вот теперь...

Биби больше не в силах была слушать все это, она крепко обняла Реджепа, положила голову ему на грудь и разрыдалась. – Реджеп, хоть ты не сыпь мне соль на рану, у меня и так сердце разрывается на части. Если бы ты знал, в каком состоянии я уходила из дома! Ты ведь мужчина, ты сильный, и должен найти выход, а не причитать. Поверь, Реджеп, я тоже не могу жить без тебя. Если бы ты мог раскрыть мое сердце и посмотреть!..

Реджеп крепко обнял Биби и стал пальцами вытирать слезы с ее щек.

– Верю, Биби. Знаю, что ты не бросишь меня, не уйдешь! – Он

пристально посмотрел в глаза девушки. – Есть только два выхода из ситуации. Первый мне не под силу, а со вторым, думаю, ты не согласишься.

– Что же это за выход такой?

– Первый – это то, о чем говорит твоя мать. А второй...

– Что?

– Только бежать, Биби.

Биби мгновенно выскользнула из объятий Реджепа и отскочила в сторону. Спрятала руки под дон, будто опасаясь, что ее могут схватить за руку и уволочь.

– Нет-нет, только не это! Да если я сделаю так, Антенна будет на седьмом небе от счастья. Она с огромным удовольствием оповестит об этом весь город. Что люди скажут тогда?

– Поговорят да перестанут.

– Не знаю, смогу ли я так подвести маму, опозорить ее...

– Со временем все утрясется. Отправим к вам стариков на примирение, наладим отношения с твоими родными, Биби.

– ... Powestler